

© 2013 г. Г.С. Семенова
УДК 81

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ АНТРОПОЛОГИЯ В ЛИТЕРАТУРЕ ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКОГО РОМАНТИЗМА

Fiction anthropology in literature of West European romanticism

It is discussed the problem of artistic anthropology in the literature of Western European Romanticism, it is grounded the principle – in romanticism the central place takes the man and XIX century was the century of anthropology. The man of early romanticism is coherent with two worlds, manifesting as a "stretched to the highest clarity" space and infinite, without beginning time, anthropologically related to the absolute as the "body and soul of the world". An illustration of this view is the story by Wackenroder "Distinguished musical life of the composer Josef Berglinger".

Key words: artistic anthropology, romantic hero, romantic opposition "man – society".

Особое место в художественной культуре XIX столетия принадлежит романтизму. Говоря о романтизме, мы определяем его как тип культурного сознания, а не только как творческий метод художника. И то и другое верно, хотя недостаточно полно. «Романтизм, – обоснованно замечает Н.Я. Берковский, – складывался как целая культура, многообразно разработанная, и именно в этом подобен был своим предшественникам – Ренессансу, классицизму, Просвещению. Он явился как ... единая «школа», но во всех искусствах и заодно в делах культуры, выйдя из литературы и проникая в каждые из искусств, одно за другим» [1, с. 19].

Уникальная роль в эволюции европейской романтической культуры принадлежит литературно-философским достижениям мыслителей Германии. Реагирование на социально-политические события с «пером в руке» вылилось в теорию, обосновывающую европейские романтические достижения. Особенно это проявилось в культуре раннего романтизма. Шеллингианский «целостный человек», «искатель» и «энтузиаст» становится не только героем произведений немецких романтиков, но и реализует себя в английской ранней поэзии Уильяма Вордсворта (1770-1850), Сэмюэла Тейлора Колриджа

(1772-1834), а позднее – в творчестве Перси Биши Шелли (1792-1822). Что касается французских авторов, то и они признавали лидирующую роль Германии (см. работы Жермены де Сталь и др.).

В России еще до появления плеяды разочарованных байронических персонажей немецкая идеалистическая философия прочно вошла в сознание молодых литераторов, членов Московского кружка Любомудров. Русские интеллектуалы 20-30-х гг. XIX века откликнулись на идеи Шатобриана и де Сталь, творчество поэтов-лейкистов, но именно немецкая романтическая литература явилась главным источником философско-эстетических идей. Естественно, особого разговора требует философское понимание романтизма. В его основу, как и основу немецкой классической философии, в сопряжении с которой он развивался, положена деятельность человека как активного и разумного субъекта, созидающего собственный мир посредством духовного деяния.

«Трансцендентализм представляет совершенно определенную историческую традицию философствования, в которой находит свое выражение антропологическое начало всех возможных размышлений о бытии и космосе, – пишет С.П. Галенко. Основная особенность этой традиции философствования состоит в том, что она имеет дело не только с человеком во всей полноте его проявлений и связей с миром, сколько с рафинированной и сакрализованной сущностью человека, выступающего в виде некоего «трансцендентального субъекта». Наглядным воплощением этой сакрализованной сущности человека являются социокультурные образы богочеловека, сверхчеловека, героя (как культурного типа древнегреческой культуры), гения, пророка, демона» [2, с. 47].

Соответственно, глубинные корни романтизма можно выявить уже в знаменитом положении Рене Декарта (1596 – 1650) «*Cogito ergo sum*» – мыслю, следовательно, существую. Он пишет: «Я – субстанция, вся сущность, или природа которой состоит в мышлении и которая для своего бытия не нуждается ни в каком месте и не зависит ни от какой материальной вещи» [3, с. 269]. По Декарту, сомнение изначально тождественное бытию и мышлению, устанавливало зависимость существования вещей самих по себе от мыслящего субъекта, сомневающегося в их непосредственной достоверности. Стремление Декарта знать о существовании вещей самих по себе ставило его у истоков трансцендентального идеализма, хотя вопрос о том, как вещи существуют в человеческих представлениях, у французского философа оставался открытым.

Иммануил Кант, размышляя над проблемой познаваемости мира, приходит к выводу, что необходима критика самой способности человеческого разума. Подобно Н. Копернику, обосновавшему вращение планет вокруг Солнца; «он прежде всего коренным образом перевернул представление, согласно которому воспринимающий субъект пребывает в бездеятельности и покое, а предмет деятелен, – переворот, проникший, подобно электрической искре, во все отрасли знания» [4, с. 28-29]. Кантовский трансцендентализм явился выражением его антропологических воззрений. Кант был убежден в том, что основная задача философии состоит в познании жизни, а «самый главный предмет в мире, к которому эти познания могут быть применены, – это человек, ибо он для себя своя последняя цель» [5, с. 138].

Для романтизма же значение кантовской философии состояло не только в ее антропологической направленности, но и в том, что «Кант впервые, и притом в систематической форме, стал рассматривать ...эстетику в виде самостоятельной науки и заниматься искусством в качестве вполне специфической области. ...Кроме того, – пишет А.Ф. Лосев, – Кант ...был принципиальным противником просветительского понимания искусства, основанного на рационалистической метафизике и на смешении искусства с другими областями общественной жизни. Но Кант тем самым явился также и началом совершенно новой эпохи в учении об искусстве, именно, эпохи романтизма» [6, с.45].

Трансцендентальные изыскания Канта были продолжены Фихте и Шеллингом. Взяв за исходный пункт фихтевское учение о «трансцендентальном Я», полагающим мир посредством противопоставления Не-Я, Шеллинг создал на его основе антропологическую концепцию, где субъект и объект составляют внутренне противоречивое тождество. Вершиной шеллинговского учения о человеке является философия искусства, которая «обращается непосредственно к самому высокому и развернутому, к образу человека... Искусству не только дозволено, но и надлежит видеть всю природу в ее совокупности только в человеке» [7, с. 64]. Внутренний мир человека, полагает Шеллинг, – сфера безграничного духовного продуцирования, интеграции духа, отмеченного печатью Божества. Романтизм в сопряжении с шеллинговской философией постулирует устремленность в бесконечное, историчность и диалектическую подвижность. Диалектическое движение осуществляется от неорганического к органическому и далее, к высокой духовности в сфере божественной природы или искусства.

Следовательно, тождество классической немецкой философии и романтизма заключается в смещении мировоззренческого акцента на человека, то есть в антропологической направленности этих форм мировоззрения. Наличие тождества, соответственно, предполагает и различие в осмыслении мира и положении в нем человека.

Человек раннего романтизма воплощает в себе идею гармонического первообраза. Подобно универсуму, внутри которого время упорядочило и объединило небесные тела, свет выразил идею всех телесных вещей, а форма придала им пространственную завершенность, человек выступает тождеством духа и организма, заключенных в телесную оболочку.

Раннеромантический человек особым образом сопряжен с двумя мирами, проявляющими себя как «растянутое в высшей ясности» пространство и бесконечное, безначальное время, антропологически связанные в абсолюте в качестве «души и тела мира». Бытийно-пространственное и деятельностно-временное «начала вещей» выражают идею абсолюта через реальный мир природы и идеальный мир искусства, персонифицируясь в человеке-творце [8, с. 564-565], – полагает Шеллинг. И здесь очевидна связь Шеллинга с предшествующей традицией, в частности, для него важен натурфилософский опыт Гете, который еще «мальчиком в своей мансарде ... придумал для себя одного и отправлял тихий культ Бога-природы», испытав на себе Его «откровения» [9, с. 146-147].

Для Гете образ природы – антропологически насыщенная метафора. Это живой, чувствующий, играющий с человеком мир, обладающий таинственным «смыслом». А.В. Михайлов отмечает и обратную связь Шеллинг-Гете: «Чтение Шеллинга пробудило в душе Гете его же, гетевские, образы одновременно космически-широкой и интимно-близкой природы» [10, с. 411]. Речь идет о стихотворении Гете « Душа мира» (1802), навеянном трактатом «О Мировой душе...» Шеллинга».

И рвется все в божественной отваге Себя перерастить;

В пылинке – жизнь, и зыбь бесплодной влаги Готова зацвести [11, с. 171].

Картина, воссозданная Гете, сродни шеллинговской. Мироздание объято идеей вечного круговорота, где все сущее гибнет, чтобы вновь возродиться, приняв новый, более совершенный облик.

Переворот в сознании, вызванный проявлением трактата Шеллинга «О мировой душе...», поэтически обрисовал Ф. Шлегель в своем стихотворении «Мировая душа». Шеллинга». По мысли автора, не только Гете, но и все человечество откликнулось, пробудилось, преобразилось, прониклось «эфиром идей» и ощутило способность к познанию «вечности» благодаря открытию Шеллинга:

От смутных снов к сознанию пробужденный,
К небесным высям человек поднялся,
Он мыслит там, где прежде покорялся,
Слепым, бессильным страхом угнетенный [12, с. 97].

Восторг, пронизывающий гимн молодого романтика Ф. Шлегеля, смыкается с настроением Гете в его стихотворении.

Романтически настроенный философ склонен поэтически дублировать мысли, выраженные в строгой форме научного трактата. Шеллинг рассматривает природу как подвижный целостный мир, многообразие которого заключено внутри огромного пространства, и отмечает, что в природе «органическая и неорганическая жизнь связаны одним и тем же началом» [13, с. 92], а сам мир есть единство механизма и организма. Таким образом, мир природы организуется в систему через две противоположные силы: первую, положительную, и вторую, отрицательную. Единая система, существующая благодаря действиям противоположных сил, позволила Шеллингу воскресить древнее понятие мировой души и представить мироздание в подчинении закону всеобщего дуализма и полярности. Из двух противоположных начал Шеллинг выводит животворящий синтез, новую жизнь на основе гармонии человеческих отношений.

Человек, по Шеллингу, – высшая цель природы. Мысль эта присутствует у Канта и Фихте, но Шеллинг приходит к ней в результате наблюдений над диалектическими процессами, в которые включена вся природа, чуждая мертвому покою. Шеллинговская природа – антропологически ориентированный, диалектически развивающийся мир, с характерными для него стадиями развития: материя (первично «ничто») – свет («аналог духа или мышления в протяженном мире») – субъект как жизненный принцип – субъект как чистое знание [14].

Фихте, творчество которого рассматривалось самими романтиками в качестве предпосылки романтизма, в трактате «О достоинстве человека»

(1794) патетически выразил важную мысль: в человеческом Я содержится «система всего мира духов, и человек имеет право ожидать, что закон, который он дает себе и этому миру, должен иметь силу для него» [15, с. 475]. Человек независим от всего, что пребывает вне его, «вечен через себя самого и собственной силой» [15, с. 476].

Романтики не столь оптимистичны. Ведь Я, обоснованно, замечает Н.А. Бердяев, имеет к миру двоякое отношение. Пребывая в отчуждении к миру, «Я раскрывает всю историю мира, как свой собственный глубинный слой. ... То мне все представляется чуждым и далеким, то все представляется со мной самим. Но и происходящее со мной самим может быть чуждо» [16, с. 270].

Отчуждение человека от мира демонстрируется в романтической оппозиции «человек – социум». Иллюстрацией этих взглядов является новелла Вакенродера «Достопримечательная музыкальная жизнь композитора Иозефа Берглингера» (1796). Мир главного героя произведения изначально расколот надвое: сферу искусства и сферу бытийно-обыденного. Автор нарочито акцентирует внимание на романтической дихотомии: рожденный в семье врача, призвание которого состояло в том, чтобы приносить пользу обществу, Иозеф пребывает в прекрасных мечтах и возвышенных грезах» [17, с. 33], следовательно, в полном отчуждении от собственной семьи.

Очевидно, что, находясь под влиянием кантовской «Критики способности суждения», постулирующей антиномию красоты и пользы, Вакенродер облекает эту антиномию в форму художественного образа. Однако «восхитительное пребывание в небесных грезах» [17, с. 37] сменяется картиной мира, которого герой не в силах изменить. Это мир, где «искусство «занятие... немногим лучше безделья», где «сестры ссорились из-за нового платья, или отец не в состоянии был дать старшей достаточно денег на хозяйство» [17, с. 36, 37]. Уверенность Иозефа в том, что он рожден для иного, более высокого удела, углубляет трагизм ситуации.

Уход из дома, сопровождающийся мучительными колебаниями между этическим долгом и высокими чувствами музыканта-творца, не устраняет двоемирия. Оно лишь переходит в другое пространственно-временное измерение, что отражает и двухчастная организация повествования: в первой части юноша полон вдохновения и надежд, во второй – зрелый музыкант разочарован в искусстве, в себе и в мире.

Вторая часть новеллы, помимо самого повествования, включает в себя эпистолю. Письмо, написанное зрелым Иозефом Берглингером, способствует наиболее полному раскрытию его психологического состояния. Духовный мир героя вновь претерпевает трагическое раздвоение, воссозданное им в самом тексте письма. Иозеф противопоставляет время (счастливую, вдохновенную юность и исполненную разочарования зрелось), пространство (мечтал бежать от нашей земной юдоли) и, наконец, собственное понимание искусства в разные периоды своей жизни. Постоянно изменяющийся духовный мир героя сталкивается с иным миром, вечно пребывающим в бытийно-обыденной статике.

С одной стороны, перед нами выявлена характерная для романтического героя тоска по естественной гармонии личности и мира. С другой стороны, показано его бессилие что-либо изменить в своих отношениях с миром.

Итак, в романтизме центральное место занимает человек: XIX век был веком антропологическим. Он учил «видеть всю природу в ее совокупности только в человеке, человек для него являлся точкой, в которой «природа повторяет все свое многообразие и вторично проходит в более узкой сфере тот же путь, который она прошла в более широкой» [18, с. 64]. Все его поиски были направлены на человека, и в оппозиции: макрокосм/микрокосм человек оказался не пассивно отражающим устройство мира, а активно участвующим в нем. Не потеряв завоеванного XVIII веком положения центра и свободы, он совместил их с «космическими» чертами и взял на себя многие свойства мира с тем чтобы предельно выявить их. Теперь от человека зависело ценностное осмысление мира.

ЛИТЕРАТУРА

1. Берковский Н.Я. Романтизм в Германии. Л., 1973.
2. Галенко С.П. Идея трансцендентализма в западноевропейской философии // Историко-философский ежегодник. М., 1993.
3. Декарт Р. Рассуждение о методе, чтобы верно направлять свой разум и отыскивать истину в науках // Соч.: В 2 т. М., 1989. Т.1.
4. Шеллинг Ф.В.Й. Кант И. // Соч.: В 2 т. М., 1989. Т. 2.
5. Кант И. Античная антропология с прагматической точки зрения. 1798 // Собр. соч.: В.8 т. М., 1994. Т. 7.

6. *Лосев А. Ф.* Проблема художественного стиля. Киев, 1994.
7. *Шеллинг Ф.В.Й.* Об отношении изобразительных искусств к природе // Соч.: В 2 т. М., 1989. Т.2.
8. *Шеллинг Ф.В.И.* Бруно, или О божественном и природном начале вещей // Соч.: В 2 т. М., 1989. Т. 1.
9. *Виндельбанд В.* Избранное: Дух и история. М., 1995.
10. *Михайлов А.В.* Проблема философской лирики // Михайлов А.В. Обратный перевод. М., 2000.
11. *Гете.* Душа мира // Гете И.В. Избранное: В 2 т. СПб., 1997. Т. 2.
12. *Шлегель Ф.* «Мировая душа» Шеллинга // Поэзия немецких романтиков. М., 1985.
13. *Шеллинг Ф.В.Й.* О мировой душе // Соч.: В 2 т. М., 1989. Т. 1.
14. *Шеллинг Ф.В.Й.* К истории новой философии (Мюнхенские лекции)... // Соч.: В 2 т. М., 1989. Т. 2.
15. *Фихте И.Г.* О достоинстве человека // Фихте И.Г. Соч.: Работы 1792-1801 гг. М., 1995.
16. *Бердяев Н.А.* Я и мир объектов // Бердяев Н.А. Философия свободного духа. М., 1994.
17. *Вакенродер В.Г.* Достопримечательная музыкальная жизнь композитора Иозефа Берглингера // Избранная проза немецких романтиков. М., 1979.
18. *Шеллинг Ф.В.* Об отношении изобразительных искусств к природе. Сочинения. М., 1989. Т. 1.

L I T E R A T U R E

1. *Berkovsvky N.Y.* Romanticism in Germany. L., 1973.
2. *Galenko S.P.* The idea of transcendentalism in Western philosophy // History of Philosophy Yearbook. Moscow, 1993.
3. *Descartes R.* Discourse on Method to correctly direct your mind and look for the truth in the Sciences // Vol., In 2 vols, 1989. V.1.
4. *Schelling F.V.Y. Kant I.* // Vol.: In 2 vols, 1989. Т. 2.

5. *Kant I.* Antique Anthropology from a pragmatic point of view. 1798 // Coll. Op.: B. 8 vols, 1994. T. 7.
6. *Losev A.F.* Problem artistic style. Kiev, 1994.
7. *Schelling F.V.Y.* On the relation of Fine Arts to the nature // Vol., In 2 vols, 1989. V.2.
8. *Schelling F.V.I.* Bruno, or about the divine nature and the beginning of things // Vol., In 2 vols, 1989. T. 1.
9. *Windelband V.* Selected: Ghost and History. M., 1995.
10. *Mikhailov A.V.* The problem of philosophical lyrics // Mikhailov A.V. Back translation. Moscow, 2000.
11. *Goethe.* Soul of the World // Goethe I.V. Selection: In 2 volumes of St. Petersburg., 1997. T. 2.
12. *Schlegel F.* World Soul of Schelling // Poetry German romantics. Moscow, 1985.
13. *Schelling F.V.Y.* On the world soul // Vol.: In 2 vols, 1989. T. 1.
14. *Schelling F.V.Y.* On the history of modern philosophy (Munich Lectures) ... // Vol.: In 2 vols, 1989. T. 2.
15. *Fichte J.G.* On the Dignity of Man // JG Fichte Op.: Works 1792-1801 gg. M., 1995.
16. *Berdyayev N.A.* The world of objects and me // N.A. Berdyayev The philosophy of the free spirit. Moscow, 1994.
17. *Wackenroder V.G.* Attractions musical life of the composer Josef Berglingera // Selected Prose of German Romanticism. Moscow, 1979.
18. *Schelling F.W.* On the relation of Art to nature. Works. Moscow, 1989. T.

Южный федеральный

университет. г. Ростов-на-Дону, Россия

21 августа 2013 г.